

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-039-048

ЗАПРЕЩЁННОЕ, НО НЕЗАБЫВАЕМОЕ

© 2025

С. В. Прожогина¹

В современной истории независимого Алжира в 90-е гг. XX в. до начала XXI в. были мрачные страницы длившейся гражданской войны, оставившей глубокий след в литературном творчестве многих писателей, освещавших свою позицию, связанную с острой критикой исламского радикализма, вызвавшего в стране кровавую битву, унёсшую 200 тыс. жизней.

С 2006 г. в Алжире существует запрет на использование проблематики национальной трагедии. Тем не менее в 2024 г. во Франции была присуждена почётная Гонкуровская премия алжирскому писателю К. Дауду за его роман «Гурии», посвящённый именно этой теме, что свидетельствует о невозможности запретить и забыть тот этап истории, который привёл к братоубийственной войне, чтобы не повторять жестоких уроков прошлого.

Ключевые слова: Алжир, гражданская война, реакция писателей, запрет темы войны, Камель Дауд, незабываемая реальность

Для цитирования: Прожогина С. В. Запрещённое, но незабываемое. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 39–48. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-039-048

FORBIDDEN BUT UNFORGETTABLE

Svetlana V. Prozhogina

In the modern history of independent Algeria in the 90s of the twentieth century until the beginning of the twenty-first century, there were dark pages of the long civil war, which left a deep trace in the literary work of many writers who covered their position related to the sharp criticism of Islamic radicalism, which caused a bloody battle in the country that claimed 200 thousand lives.

In 2006 Algeria has a ban on using the themes of the national tragedy. Nevertheless, in 2024, France awarded an honorary Goncourt Prize to the Algerian writer K. Daoud for his novel “Gurias”, which is devoted to this very topic, which shows that it is impossible to prohibit forgetting the stage of history that led to the fratricidal war, so as not to repeat the cruel lessons of the past.

Keywords: Algeria, civil war, writers’ reactions, banning the subject of war, Kamel Daoud, unforgettable reality

For citation: Prozhogina S. V. Forbidden but Unforgettable. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 39–48. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-039-048

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.prozhogina@mail.ru

Svetlana V. Prozhogina, DSc (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.prozhogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

Литературное франкоязычие в Магрибе — явление давнее, исторически закономерное, эволюционировавшее в колониальную эпоху и в постколониальное время². Поэтому появление большого количества произведений магрибинцев в рамках мировой франкофонии в Европе, Канаде и других странах — дело привычное. И когда в начале ноября 2024 года пришла весть о том, что знаменитая литературная премия имени братьев Гонкуров присуждена во Франции алжирскому писателю и журналисту Камелю Дауду, особого удивления не было. Давно известно, что эта премия присуждается за выдающиеся художественные достижения, и мне было особо приятно узнать, что ею вновь награждён магрибинец. Первым был марокканец Тахар Бенджеллун ещё в 90-е годы. Но книга Камеля Дауда «Гурии» (так назван его роман) [Daoud, 2024] была сразу же запрещена в его родной стране (такое случалось в Магрибе и в середине 50-х годов, когда в Марокко, к примеру, был запрещён роман Дриса Шрайби «Простое прошедшее» [Chraïbi, 1954]).

Но с Камелем Даудом не всё так просто. Его роман не только не понравился властям Алжира, но и стал «противозаконным». Столь жёсткий приговор ниспровергает мнение компетентного жюри, уже не в первый раз примечающего этого писателя: в 2014 году первый роман Камеля Дауда «Мерсо, встречное расследование» [Daoud, 2013] уже находился в шорт-листе на Гонкуровскую премию (сама по себе премия в финансовом выражении — всего лишь 10 евро, но она открывает возможность писателя издавать свои произведения в престижных издательствах большим тиражом.) Однако дело в том, что алжирский писатель затрагивает на сей раз особо болезненную для своей страны тему гражданской войны в Алжире, которая продлилась целое десятилетие в 90-е годы XX века и вызвала многочисленные жертвы (по официальным данным, не менее 200 тыс. человек).

Полагали, что в начале 2000 года война эта окончена, однако физические и психологические последствия братоубийства были столь тяжёлыми, что в 2006 году властям пришлось издавать специальный указ, названный «Хартией мира и национального согласия», в котором речь шла о штрафе от 250 тыс. до 500 тыс. алжирских динар, и даже от 3 до 5 лет тюрьмы тем, кто попытается напомнить или что-либо заявить об этой национальной трагедии. Одним словом, забыть, не напоминать о гражданской войне, дабы не ослаблять, не раскачивать, не дестабилизировать, не портить лицо Алжира в международном сообществе. Так что запрет на книгу Камеля Дауда вполне понятен. Но что известно вообще о гражданской войне в Алжире хотя бы по её отражению в литературе Алжира до романа «Гурии» и до Хартии 2006 года?

Мы видим, что алжирские писатели так или иначе осветили причины и глубину национальной трагедии и на протяжении целого десятилетия описывали алжирскую действительность. Но, вероятно, всполохи прошлого возникают порой и в наши дни, если радикальные исламисты позволили себе не столь давно избиение 80-летнего Рашида Буджедры, который одним из первых алжирских писателей обратился к теме гражданской войны и к причинам развязанной Фронтом исламского спасения (FIS) кровавой войны, случившейся в самом конце 1989 года. Об этом было написано в Алжире немного и весьма осторожно.

Внутренние причины противостояния алжирцев освещались мало, негромко, хотя и длилась та кровавая схватка почти десятилетие — больше, чем война с французами за независимость. И унесла много сил и у народа, и у его армии выбила из культуры страны значительное число интеллигенции и дестабилизировала образование, науку, экономику, социальные процессы. Я не буду вспоминать здесь исследования политологов, это не моя задача, но хочу только отметить, что эта гражданская война с радикальным исламом, дорого обошедшаяся стране, велась ей и её народом практически

² См. подробно в: [Истории национальных..., 1993; Прожогина, 2023].

в одиночку, без привлечения «глобальных» сил, а потому, быть может, Алжир испытал ужасы терроризма, громившего в стране все достижения демократического развития особенно остро, хотя и не столь «публично», переживая свои внутренние беды. Армия, полиция, антитеррористические бригады, мужество гражданского населения, хранившего верность идеалам освобождения, сломили в конечном счёте где-то в начале 2000-х гг. звериный разгул мракобесия и так или иначе утихомирили страну. Хотя попытки вернуть её к «истокам», к «изначальному исламу», искоренить «влияние Запада», модернизацию образования и экономики, установить власть имамов и «эмиров», ввести женщин только в круг законов шариата, запретить их участие в социальной жизни и т. д. и т. п. не прекращаются и по сей день, а лозунги «очищения» страны от «скверны» современного общества неизбывны.

Пока не избудут и причины — внутрисполитические, экономические, социальные, демографические, порождающие кризисные формы национального бытия и вызывающие к жизни радикальные приступы религиозного сознания, именем Аллаха сеющего смуту, террор и угрожающего трансформировать само понятие Свободы в разгул насилия и кровавого беспредела. ...Если бы я не верила в то, что, как сказал ещё Стендаль, литература — это зеркало, стоящее на дороге жизни, — я не стала бы писать о том, что реально пережил Алжир; но его писатели всегда отличались особым качеством почти документального реализма и одновременно высокой мерой художественной типизации явлений окружающего мира: слишком авторитетной была и своя, и европейская традиция литературного письма, слишком строга была школа, в которой учились алжирские художники писать картину мира («встреча цивилизаций» длилась больше столетия на алжирской земле, несмотря на колониализм, а возможно, и благодаря ему именно в плане культурном), а потому именно франкоязычные писатели в этой стране первыми откликнулись на реакцию общественного сознания, анализирующего происходящее либо готовящееся в стране, первыми фиксировали приметы перемен, меняющие облик социума, настроение народа, первыми показывали начало «беспорядка вещей» (термин Р. Буджедры, «*Le désordre des choses*» [Boudjedra, 1991]), сотрясающего основы того мира, который надо было либо разрушить (так было в конце 40-х и начале 50-х гг., когда формировалось активно национальное самосознание в стране и готовилась антиколониальная война), либо сохранить, отстоять, ибо за него сражались миллионы алжирцев в годы Сопротивления чужеземцам. Приметы гражданской войны, начинавшейся с укрепления исламского радикализма (не без помощи соседних арабских стран, особенно Египта), приметы «братоубийственной» войны были тоже незамедлительно воссозданы писателями, уже имевшими мировое признание, переведёнными на многие языки мира и даже имевшими особые награды мирового литературного сообщества. И Рашид Буджедра, и Рашид Мимуни, и Ассия Джебар, и корифей алжирской словесности — Мохаммед Диб, и новый писательский отряд 80–90-х — А. Джемай, М. Бей, М. Моккеддем, и новая «звезда» алжирской литературы — Буалем Сансаль, и мн. др. не могли не откликнуться, не сказать своего слова, не восстать, не осудить, не пробить сигнал тревоги, который должен был предупредить мир об опасности наступления эры террора³.

Рашид Буджедра, в 1991 году назвавший, как уже уточнялось, один из своих романов «Беспорядок вещей», в котором воспроизвёл атмосферу страха и отчаяния, воцарившуюся в стране, воссоздал картину народной растерянности, угроз обнаглевшего и распоясавшегося наступления тех, кто, воспользовавшись экономической неурядицей, растущей безработицей, направо и налево расстреливая «виноватых», резал горло тем, кто пытался как-то утихомирить волну поднявшегося гнева, беспощадно давил, уничтожал всё, что так или иначе было связано со стремлением к демократическим преобразованиям, к поискам возможностей выхода из серьёзного кризиса, потрясшего страну почти через

³ О них см. подробно в наших работах: [Прожогина, 2001; 2009; 2014; Крылова, Прожогина, 2010; 2013] и др.

три десятилетия её независимости... Убивали всех, кто сопротивлялся исламским лозунгам FIS, обещавшего избавить страну от последствий «светского образования», либерализации, от университетских программ, «формирующих мозги на западный манер», прививающих вкус к науке, к прогрессу, к модернизации. Всё, что не в Коране, не в заповедях Пророка, не от имени Аллаха, — всё от «воли Дьявола», а потому — истреблять всех, кто его «пособник»... В книге Р. Буджедры впервые в алжирской литературе был показан «человек раздавленный» (не «восставший» против рабства и гнета колонизации, не «идущий по дороге отвоёванной Свободы» и «ищущий Путь к свету новой жизни», как это было в литературе эпохи 50–70-х гг., но именно «раздавленный», выползавший из-под горы трупов во время бойни, устроенной террористами, превращённый ими в кровавое месиво... Этот образ снова появится в творчестве Р. Буджедры уже в начале 2000-х, когда писатель напишет роман «Похороны», где отметит приметы конца разгула террора, но и ещё раз напомнит о его злодеяниях [Boudjedra, 2003]...

В 1992 г. Р. Буджедра опубликует свой политический памфлет «Фронт ненависти» [Boudjedra, 1992], где в звучании французской аббревиатуры «Фронта исламского спасения» слышалось слово «Fils» — сын...). И в этом «Сыне Ненависти» писатель как бы сгустит все причины недовольства, расколовшего народ, все постепенно зревшие в стране внутренние противоречия, долго, со времени окончания борьбы за Независимость, тлевшую и разгоравшуюся борьбу за политическую власть внутри когорты лидеров правившей в стране партии ФНО, экономическую разруху, проблемы с безработицей, особенно среди молодежи, демографический взрыв, резкое обнищание сельского населения, его исход в большие города, их перенаселённость, вызывавшую усиление эмиграции и массу других причин, в том числе и культурную политику «тотальной арабизации», провоцировавшую недовольство берберов, которых немало среди этнического состава алжирцев, в итоге чего на очередных выборах в стране приходит к власти партия «FIS», претендующая на спасение от кризисной ситуации «Именем Аллаха» и в радикальных идеологических и политических переменах обещающая избавление страны от растущего социального неравенства и разброда верующих в исламские ценности путём «возврата к истокам», к «исламскому фундаментализму», «незамутнённому» привнесением в страну других цивилизационных начал — ориентаций её на западное образование, науку, прогресс. Главным становится возврат к «истинным заповедям Пророка Мухаммеда» и Свету Откровения Аллаха в Священном Коране.

Ваххабизм, расцветавший в Саудовской Аравии и на Ближнем Востоке, не мог не сыграть свою роль, и алжирские исламисты не без помощи и поддержки «извне» стали рьяно бороться за «чистоту» религии и повсюду насаждали только мусульманские школы, где работали нанятые «по контракту» египетские преподаватели, запрещавшие общеобразовательные предметы по истории и естествознанию; в университетах вводили запрет на обучение математике, физике, химии, юриспруденции и прочих дисциплинам на французском языке, хотя учебников на арабском почти не существовало... (Вообще запрет на французский язык достиг апогея, и в школах, где случалось исламистам ворваться на урок и услышать французскую речь, к примеру, на уроке литературы, педагогу могли и перерезать горло... Случаи такой расправы были нередки и зафиксированы почти документально в книге новелл Ассии Джебар «Оран, мертвый язык» [Djebar, 1997]).

Но если Р. Буджедра, как и многие другие, сосредоточил своё внимание и как художник, и как аналитик на реальных итогах и причинах вершившихся в стране событий (за что был обвинён исламскими интегритами в «предательстве», зачислен в список должных быть убитыми и был вынужден долго скрываться и жить в эмиграции), то его соотечественник Рашид Мимунни создаёт некое метафорическое полотно почти «исторической обречённости» Алжира на постоянные войны, нашествия, набеги, на постоянное вынужденное Соппротивление Злу, которое тяготеет над страной как «проклятие» (он так и назовет свой роман — «La Malédiction» [Mimouni,

1993]), и концентрацию этого Зла увидит в братоубийственной войне, которая буквально захлестнула Алжир в начале 90-х, и где в сюжете романа Р. Мимунни один из братьев, ставший исламистским «эмиром», убивает другого — врача, не захотевшего «делить» раненых на «своих» и «чужих» и просто спасающего людей от смерти, — безжалостным и беспощадным выстрелом в затылок... Избавляя страну, как он считает, «от предателя»...

Вообще расправы в стране с интеллигенцией, журналистами, врачами, педагогами, писателями, поэтами, кинематографистами, театральными деятелями, не поддержавшими воцарившиеся в Алжире «правила праведной исламской жизни», были под постоянным прицелом «интегристов» (использую этот термин именно в том смысле, в каком политический исламизм требовал «абсолютной чистоты» религии мусульман, освобождая её от поздних наслоений, и полного претворения в жизнь норм раннего ислама⁴), которые забрасывали их письмами с угрозами, с нарисованными на них гробами и с вложенными в конверты кусочками мыла и белой ткани — для «омоления будущих покойников» и «саванов» для них... Таков был ритуал террористов, которые предварительно запугивали, а потом и приводили в действие свои угрозы. Сколько погибло известных в стране людей, сколько зарезанных, замученных, отравленных и убитых на глазах своих детей и близких!.. Не стану перечислять все имена, среди которых близкие и мне — Тахара Джаугта, Юсефа Себти и мн. др.: достаточно взять в руки страшную документальную книгу Асси Джеббар «Белый траур Алжира» [Djebbar, 2002] (лучше перевести как «Саван Алжира»), чтобы исполниться жуткой правдой вершившегося в свободном и независимом Алжире «своего», религиозного разбоя, который разве что можно сравнить по количеству жертв с беспощадностью партизанской войны с колонизаторами... Но у той были особые исторические оправдания. Если для беспощадности они вообще есть... Но писатели ничего не преувеличивали.

Корифей алжирской литературы Мохаммед Диб напишет свою эпопею о зверских набегах исламистов на горные селения, не хотевшие сдаваться на милость террористов и помнившие ещё о том, за что сражались с чужеземцами отцы и деды, и ещё хранившие «старые ружья»... Но набеги были ночными, коварными, застигавшими людей врасплох, а потому с лица алжирской земли в те недалекие времена исчезли многие городки и деревни, исчезли десятки тысяч людей, которым перерезали горло во сне... М. Диб сравнит эти массовые убийства в горах с древним поверьем, что «если захочет дьявол» (а его роман так и назывался [Dib, 1998]), то собаки, спущенные с верховьев гор с красной повязкой на шее «встречать весну» (таков был ежегодный ритуал горцев), могут вернуться обратно и, взбесившись, отгрызть головы невинным людям, которые мечтали о наступлении тепла, об урожае, о свадьбах, о Новой Жизни...

Этот роман Диб не мог не потрясти читателей не только жестоким реализмом происходящего в Алжире, но ещё и тем художественно запечатлённым извращением сакрального, ибо мусульманский мир жил и живёт ежедневно великой своей надеждой, выраженной в священной формуле «Если захочет Аллах!» «Дьявольская» инверсия этой истинно мусульманской веры в то, что Аллах не может захотеть чего-то ужасного, непоправимого, превратила произведение искусства основоположника новой алжирской словесности в прямое обвинение тех, кто, используя религиозное учение, забыл о том, что на земле всегда останутся люди, помнящие не о мраке наступления Ночи, но о Свете нового Дня. «И если захотят они»... — писатель не закончил этой фразы в своем романе, но напомнил всем, что Ночь должна обязательно смениться Рассветом...

Что удивляться гневу и пророчеству М. Диб — писателя, которого знал весь мир (он переведён почти на 30 языков), лауреата высоких литературных премий? Он мог себе позволить создать произведение, где просто сравнил нашествие «интегристов» с «волей дьявола». Но поражает то, что

⁴ Об этом см., напр., в: [Долгов, 2001].

именно в 90-е гг. в алжирскую литературу вливается отряд женщин, да, именно тех, с кем исламисты неустанно боролись, заставляя носить чадру, отказаться от образования, социальной жизни, участия в общественных движениях, запугивая, угрожая, расправляясь за «непослушания»... Среди них, женщин, — врачи, педагоги, журналистки, взявшиеся за перо, потому что молчать о том, что творилось в стране, было невозможно. И если Ассию Джебар, её «похоронный колокол» из Орана, где воцарился «язык смерти», должны были услышать повсюду — ведь она была знаменитой в Европе (в России её тоже успели перевести ещё до 90-го года) не только писательницей, но и просто женщиной — первой среди «иностранок» ставшей членом Французской Академии, то Маиссу Бей, Малику Мокеддем, Латифу Мансури не знал никто. И они отважно стали продолжать дело своих соотечественников, заставляя мир услышать боль и гнев своего народа. В своих «Новостях из Алжира» Маисса Бей [Beu, 1998], педагог и журналистка, поведует не только о страхе, в котором постоянно приходится жить женщинам, особенно тем, кто работает, кто учит детей, у кого мужа — не исламисты, но и о наступившем в стране каком-то оцепенении, безволии ужаса, порождённого почти ежедневными сводками об убитых, зарезанных, о стертых с лица земли деревнях, где за ночь уничтожали людей и поджигали их дома... «Новости» скорбные, но для начинавшей тогда писательницы главным было рассказать об Алжире правду, о которой как-то не особенно было удобно властям (они пытались долго и упорно справиться с бедой) громко кричать на весь мир... Но голос Маиссы Бей, писавшей по-французски вопреки всем мыслимым и немыслимым запретам исламистов (она рисковала в буквальном смысле слова своей головой — вспомним о героине одной из новелл Ассии Джебар, учительнице, у которой отрезали голову террористы на уроке французского...), был услышан. Я не говорю о прессе, о многочисленных читателях, но о том, что стало понятно всем, — отныне литература Алжира стала другой, она показывала лик другой страны, где насилие, творимое людьми, шло от «Имени Аллаха», где человека уничтожали, а не воспевали, как прежде, как Творца Нового мира.

О «стрелах исламизма» не менее ярко и с глубокой болью за судьбы своих соотечественниц рассказала в своей автобиографической повести «Мечты и убийцы» и врач Малика Мокеддем [Mokkedem, 1995]. Но то, что показала Латифа Бен Мансур в своём дневнике, можно назвать повестью о смерти, о торжестве её, о «пляске» на костях людей, поверженных страхом в бездну отчаяния, из которой только один путь — бежать с родной земли, которой были отданы ранее все силы жизни, все её надежды... То, что описала, зафиксировала на бумаге, а увидела на белой стене своего дома рано утром врач Мансур, работавшая в глубинке, в сельской больнице, где лечила стариков и детей, было хуже апокалипсиса, ибо не воображённое, а своими, остановившимися от ужаса глазами запечатлённое: к ней в дом ворвались террористы и разбили о стену голову её грудного ребёнка, раздавили, кроваво размазали его тело на белой штукатурке, дабы она, врач, убоялась, прекратила лечить тех, кто «не с ними», кто не служит «делу Аллаха». Мансур выжила, но едва не лишилась рассудка, потом заставила себя написать книгу, назвав её «Год заката Солнца» [Mansour, 2001], которую можно назвать и «Годом солнечного затмения», хотя этот солнечный «Эклипс» под пером Мансур, пережившей личную трагедию (ей ещё и принесли в корзине отрезанную голову мужа, тоже врача...), нарисован как полное исчезновение Света Жизни, как триумф абсолютного Мрака...

Ужасы царившего в Алжире исламизма можно множить: литература — неисчерпаемый источник примеров и назиданий... Но в 2003 году, когда события уже постепенно улеглись (к началу 2000-х), Рашид Буджедра, захотев поставить «точку», окончательную и бесповоротную, пишет свой роман «Похороны», где всё-таки, перед тем как задёрнет занавес спектакля Торжества Смерти, напомним, не в назидание, но и не без серьёзной причины, о том, что забыть произошедшее в родной стране, длившееся почти десятилетие, нельзя, ибо повторение прожитого страной и народом — стыд Истории. И создаст — как бы «напоследок» (чтобы не забыли!), чтобы помнили, секвенцию картин ужасных

расправ террористов со школьниками, расстрелянными или зарезанными «просто так», в назидание живущим, но не поддающимся угрозам и страху смерти... И если дети продолжают учиться, ходить в школы, снимать мусульманский платок на уроках, учить «другой язык», «другие предметы», кроме дозволенных исламистами, то расправа с одними из них — пример для других того, что будет и с ними. И одиннадцатилетнюю девочку насилуют, выкалывают глаз, а потом перерезают горло на виду у всего класса... Как убивают в школьном дворе мальчика выстрелом в спину «просто так», потому что тот слушался учителя, выполняя его просьбу, а не головореза — бандита, террориста, «хозяина» того квартала, где стояла эта школа.

...Ужасные фото растерзанных, расчленённых, искалеченных людей и детей висят, «пригвождённые», в кабинете комиссара антитеррористической бригады. И комиссар — женщина. В творчестве Буджедры это своего рода «апофеоз» женской судьбы: если раньше героини его книг были «раздавлены, унижены традицией», её запретами, или наоборот, преодолевая её, становились врачами и «чистили» раны общества, избавляя его от вековых предрассудков, тьмы невежества, то в «Похоронах» главная героиня уже героически сражается с почти неуловимыми, но уже обречёнными на расправу (волна народного гнева, действия полицейских, военных, — всё как бы на грани окончательного, «финального» боя с теми, кто отравлял людям Жизнь, закрывал Свет, сеял Мрак и Ужас... Роман Буджедры — глубоко психологический, но и вполне «полицейский», написанный о жутких буднях полицейской бригады по борьбе с терроризмом. И в этом романе, как и в предыдущих произведениях Р. Буджедры, есть много авторских напоминаний о том, что главное — не дать обществу увязнуть в оковах окостенелых традиций, разрушить нормальные семейные связи и узы, соединяющие людей в одно целое. Напоминание и о том, что нельзя унижить женщину, «закрыв» её только в лоне семьи, отгородив от мира, от жизни, которая, пусть тревожно и даже страшно, но течёт за стенами дома... Напоминание и о том, что самое нелепое, самое отвратительное и, быть может, самое губительное для общества — это «братоубийственная война», это противостояние людей внутри *одного народа*. Символически (или, скорее, метафизически, потому что не только однозначно в плане смысла, но и глубоко психологично) во всех романах Буджедры, и «Похороны» не исключение, — это «возвратное движение» к образу брата-близнеца одного из героев романа. И оно означает, что этот буквально «кровный брат — может стать худшим врагом, потому что «свой», а не «чужой»... С «чужими» — иноземными — врагами всё было понятно, за что идет борьба, за чью Свободу, за чью Независимость, за какое Будущее своей земли воюет народ... Но когда «близнец» хочет быть похожим на «чужого», то это становится истоком внутренней трагедии... И надеясь на *к о н е ц* этой *внутренней борьбы* народа, когда «брат восстает против брата», когда «брат» решает жить иначе и хочет стать «чужим» в своей родной семье, командир полиции, переживший собственную семейную драму, возлюбленный героини романа, просит её родить ему именно близнецов... Нормальных, Родных друг другу. Надеясь на Мир. «Похороны», видимо, закончатся свадьбой героев. И новой судьбой освободившейся от Мрака Ночи Страны... В книге Р. Буджедры битва выиграна. Хотя война с глобальным терроризмом как раз только и развернулась по всему миру. Роман Р. Буджедры, «похоронив Фронт Ненависти в одной, отдельно взятой стране, мужественно сражавшейся с мракобесием, стал словно увертюрой к событиям, которые потрясли в начале XX века и Америку, а теперь заставляют погружаться в страх и Европу...

Вот почему такой крупный писатель, как Буалем Сансаль, получавший одну за другой премии мирового литературного сообщества («За лучший арабский роман», «За лучший роман на французском языке» и т. д. и т. п.), написал в качестве предупреждения Европе свою потрясающую книгу «Деревня Немца» [Sansal, 2007], где сравнил исламизм с нацизмом. На судьбе двух братьев — алжирских иммигрантов (считавших себя алжирцами, но узнавших, что их отец — немец), один

из которых поклялся сделать всё, чтобы разорвать сеть подпольных террористов-исламистов, опутавшую Париж и его иммигрантские кварталы, в которую он едва не попался, а другой, не перенеся стыда за прошлое их отца — бывшего офицера немецкой армии, служившего в Освенциме и избретшего циклон — газ, убивший миллионы невинных, а потом скрывавшийся в Алжире и принявший ислам, покончит с собой, заставив себя задохнуться в собственном автомобиле, открыв выхлопной газ вовнутрь машины, — покажет новую трагедию, на сей раз Европы, страдающей от глубокой разности своих народов...

Прошное, открывшись братьям-иммигрантам внезапно, после смерти их отца в далёкой алжирской деревне, заставило пересмотреть всю свою жизнь, и сравнение прошлого отца с происходящим на их глазах опасным беспределом имамов, вербующих молодежь в ИГИЛ⁵ и прочие террористические организации, запугивающие не только исламскую молодёжь Европы, но и французов жуткими казнями в подвалах девушек, отказавшихся носить мусульманскую одежду и закрывать лицо (их обливали кислотой или сжигали), заставило братьев вернуться к «собственной идентификации», к определению своего места в этом давно «смешавшемся» и тоже уже «сходящем с ума» мире. И один встал на путь борьбы за очищение этого мира от скверны исламского террора и угрозы торжества религии в светской стране, несовместимой с догмами угнетения человека, а другой — казнил себя за вину нацистов и фашистов, которые допустили геноцид и кровавую мировую войну, эхо которой не хочет слышать сегодня...

Писатели бьют тревогу. Они хотят, чтобы симптомы болезни мира, которые они увидели, услышали, описали (а это долг литературы), были не просто диагностированы, но и излечены. И если зло исламизма, запечатленное в книгах алжирских писателей, как и в книгах других магрибинцев [Meddeb, 2002; 2008]⁶, послужат уроком современному человечеству, значит, искусство слова спасает мир.

В этом плане появившаяся в 2024 году книга алжирца Камеля Дауда тоже звучит набатом и призывает прислушаться к его тревожному гулу.

Гонимый лауреат Камель Дауд обращается к прошлому и воссоздаёт, напротив, в мельчайших подробностях историю жизни и злосчастной судьбы своей героини, ставшей жертвой исламистов в конце 1999 г. Она, почти зарезанная тогда террористами, нападшими на их дом, изуродованная ими, сумела выжить. Ей было всего 5 лет. Ей пытались перерезать горло и лишили голосовых связок, она осталась немой на всю оставшуюся жизнь. Теперь 26-летняя женщина с прекрасными глазами «внутренним голосом» пытается рассказать своему будущему ребёнку (она называет девочку Гурией), рождения которого она не хочет, о своих страданиях, как бы предупреждая его об опасностях жизни на этой земле. У самой героини два имени, одно арабское, другое французское, которое означает «заря» — рассвет. Но ей не хочется осветить своим лучом жизнь её ещё не родившейся дочери и дать ей возможность увидеть свет, рассчитывая лишь на драгоценные пилюли, доставшиеся ей нелегально, ибо аборт в стране, как и многое другое, запрещены. Она не может поставить в известность о своей беременности даже свою приёмную мать.

Роман, написанный от лица женщины — одной из жертв гражданской войны, становится романом-символом, в котором приносится в жертву всё то, что должно родить Будущее, всё то, что стремится открыть себя миру, сбросить оковы мрака и постигнуть свет, красоту, величие самой природы человечества, а не обречённость на старые традиции, возврат к истокам, запрещающим естественную тягу женщины к образованию, снятию чадры, скрывающей её лик. Сама героиня — хозяйка салона красоты — работает с такими женщинами, которые, несмотря на все запреты имамов, пытаются стать лучше и краше, а хозяйке не раз приходилось терпеть и погромы её салона правоверными

⁵ Террористическая организация запрещена на территории России.

⁶ См. напр.: [Meddeb, 2002; 2008].

исламистами, и запреты, которые и сегодня являются атрибутами социальных конфликтов. Писатель не скрывает, что они существуют в современном Алжире, где прогресс — и технический, и научный очевиден, где эмансипация женщин реальна, но и угроза, основанная якобы на гнев Аллаха, быть похожими на Запад всё ещё жива и часто приводит к конфликтам с радикализованным исламом. Но героиня, прежде чем решиться избавиться от своего случайно обрётённого ребенка, решила поехать в то место, где свершилась казнь её семьи, её несчастная судьба, чтобы узнать, что стало с селением, где за одну ночь, как ей сказали уже потом, было убито террористами 1000 человек. Она ощутила необходимость вспомнить о трагедии, пережитой ей в детстве, узнать, что стало с её родными, остались ли люди, которые помнят эту трагедию. Воспользовавшись отсутствием приёмной матери, когда-то подобравшей её, почти умирающую, и до сих пор старающуюся найти средства на восстановление её голоса, решается на опасное путешествие: женщинам и до сих пор в Алжире не рекомендуется ездить в одиночку, а имамы осуждают тех, кто выходит на улицу без сопровождения мужчин. По дороге из Орана она услышала от встреченных ею путников не менее жуткие истории расправ террористов с мирным населением. Об их налётах по ночам на деревни и сёла, где они вырезали жителей, которых подозревали в связях с алжирской армией, стремившейся подавить этот террористический всплеск. В селении своём, с трудом до него добравшись, она поняла, что там царит полное забвение того, что произошло в 1999 году. Только старый имам пытался её вразумить не расспрашивать народ о том, что стало с её родственниками и есть ли кто в живых среди них. Время было тем более опасное в деревнях и сёлах, что оно было связано с праздником Аидом Эль-Кебиром — жертвоприношением Аллаху. Всё чаще героиня сравнивает свой народ со стадом баранов, у которых будет перерезано горло в этот день, священный для всех мусульман. Можно было бы продолжать множить истории, услышанные героиней по дороге из Орана в родную деревню, о кровавой бойне, развязанной исламистами, если бы перед героиней не стоял главный вопрос в сегодняшней её жизни.

Роман, написанный от лица женщины, сумевшей получить образование, всё-таки, несмотря на особые сгущения, нагромождения кошмарных эпизодов, связанные с гражданской войной, не утрачивает основной мотив книги. Дать жизнь или отнять её у своего ребенка? Ведь ему должно принадлежать будущее, к которому стремились все, кто хотел открыть себя миру, сбросить оковы мрака и постигнуть свет знания, красоты, величие самой природы человечества... Обречённость на старые традиции мира ушедшего и запреты, связанные со всё ещё звучащими призывами к возврату к истокам. Запрет на образование, требование возвращения чадры, скрывающей лик женщины, порождающие множество социальных конфликтов и по сей день, подталкивали героиню к принятию решения избавиться от девочки, которой предстояло жить в этом противоречивом мире. Она называла девочку, с которой разговаривала своим внутренним голосом, Гурией, то есть согласно Корану предназначенной раю красавицей. Образ этих Гурий, мечтающих о красоте и счастье, мелькает среди посетителей её салона, да и она сама обладает неземной красоты глазами, но она решает всё-таки сохранить жизнь ребёнку, который должен сам увидеть реальность и постигнуть трагедию всех тех, кто пережил ужасы гражданской войны. Так что, с одной стороны, само издание Камеля Дауда — это нарушение закона Алжира, с другой — это напоминание о том, что волнует многих выживших и переживших национальную трагедию людей, несмотря на все запреты не поминать старое. Художника волнует сегодня не только сам грандиозный масштаб жертв национальной трагедии, но и необходимость предупредить возможность внутренних конфликтов, подобных тем, которые произошли в 90-е годы. Закон, запрещающий творчество, тем более тщательно и глубоко проникающее в недра самой трагедии, пережитой Алжиром уже после войны за независимость, не в силах отнять память о том, что было. Былое забыть нельзя, если и в настоящее время всё ещё искрятся его всполохи. Забвение прошлого не успокаивает, а только приводит к ошибкам настоящего и не позволяет извлекать уроки для будущего.

Литература /References

Долгов Б. В. Алжир. Феномен исламского фундаментализма. *Россия и мусульманский мир*. 2001. № 7 (109). С. 150–161 [Dolgov B. B. Algeria. The Phenomenon of Islamic Fundamentalism. *Russia and the Muslim World*. 2001. No. 7 (109). Pp. 150–161 (in Russian)].

История национальных литератур стран Магриба: в 3 кн. *Алжир, Марокко, Тунис*. / Под общ. ред. С. В. Прожогиной. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1993 [History of national literatures of the Maghreb countries: In 3 books. Algeria, Morocco, Tunisia.. Ed. by S. V. Prozhogina. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura. 1993 (in Russian)].

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. *Гендерные аспекты конфликтов: столкновение эпох и культур глазами русских в Африке и североафриканцев в Европе*. М.: Ин-т Африки РАН, 2010 [Krylova N. L., Prozhogina S. V. *Gender Aspects of Conflicts: Clash of Epochs and Cultures through the Eyes of Russians in Africa and North Africans in Europe*). Moscow: Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010 (in Russian)].

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. *Путь к себе (проблемы самосохранения в процессах пересечения Востока и Запада)*. М.: Ин-т Африки РАН, 2013 [Krylova N. L., Prozhogina S. V. *The Way to Self (Problems of Self-Preservation in the Processes of Intersection of East and West)*. Moscow: Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013 (in Russian)].

Прожогина С. В. *От Сахары до Сены: Литературное пространство франкоязычных маггрибинцев в XX веке*. М.: Восточная литература, 2001. 486 с. [Prozhogina S. V. *From the Sahara to the Seine: Literary Space of French-speaking Maghrebians in the XX century*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Разлом миров (алжирская литература о Войне)*. М.: ИВ РАН, 2009 [Prozhogina S. V. *The Rift of Worlds (Algerian Literature about the War)*. Moscow: IOS RAS, 2009 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Алжирская сюита (эпоха Рашида Буджедры)*. М.: ИВ РАН, 2014 [Prozhogina S. V. *Algerian Suite (the Era of Rachid Boujedra)*. Moscow: IOS RAS, 2014 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Свой путь (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе)*. М.: ИВ РАН, 2023 [Prozhogina S. V. *Your Own Way (Maghreb: towards the problem of self-determination in French-speaking literature)*. Moscow: IOS RAS, 2023 (in Russian)].

Bey M. *Nouvelles d'Algérie*. Paris: Babelio, 1998.

Boudjedra R. *Le désordre des choses*. Paris: Denoël, 1991.

Boudjedra R. *FIS de la haine*. Paris: Denoël, 1992.

Boudjedra R. *Les funérailles*. Paris: Grasset, 2003.

Chraïbi D. *Le Passé Simple*. Paris: Denoël, 1954.

Daoud K. *Meursault, contre-enquête*. Alger: Éditions Barzakh, 2013.

Daoud K. *Houris. Coll. 'Blanche'*. Paris: Gallimard, 2024.

Dib M. *Si Diable veut*. Paris: Albin Michel, 1998.

Djebar A. *Oran, langue morte (nouvelles)*. Paris: Actes Sud, 1997.

Djebar A. *Le Blanc d'Algérie*. Paris: Le Livre de Poche, 2002.

Mansour L. B. *L'Année de l'éclipse*. Paris: Calmann Lévy, 2001.

Meddeb A. *La Maladie de l'Islam*. Paris: Seuil, 2002.

Meddeb A. *Sortir de la malediction: L'islam entre civilisation et barbarie*. Paris: Seuil, 2008.

Mimouni R. *La Malédiction*. Paris: Stock, 1993.

Mokkedem M. *Des Rêves et des assassins*. Paris: Grasset, 1995.

Sansal B. *Le village de l'Allemand*. Paris: Gallimard, 2007.